

ШАГА

(Советскій Новый Годъ).

Этнографическій набросокъ
изъ урянхайской жизни.

ТОМСКЪ.

Изданіе Типографіи Печатного Дѣла въ г. Томскѣ.

1917.

ШАГА.

(Сойотскій Новый Годъ)

*Этнографическій очеркъ
изъ Урянхайской жизни.*

Посвящается А. М. С—овой.

I. Въ ожиданіи праздника.

Съ Володей, славнымъ малымъ, служащимъ въ Тапсинской экономіи на большой вершинѣ Урянхайскаго Енисея, мы еще съ вечера условились встать завтра пораньше, чтобъ отправиться къ сойотамъ въ юрты на ихъ праздникъ.

— Смотрите же, разбудите меня, чтобъ не опоздать, просилъ я, разставаясь съ нимъ до утра.

Я проснулся въ 5½ час., когда было еще совсѣмъ темно. Такъ не хотѣлось вылезать изъ теплой постели и зажигать огонь, что я было рѣшилъ обождать, пока Володя придетъ меня будить. Но, какъ молнія, мелькнувшая въ головѣ мысль, что я могу опоздать, заставила меня быстро вскочить и одѣться и самому пойти будить моего провожаго.

Успокоивъ меня замѣчаніемъ, что праздникъ начнется на солнцевсходѣ, что сейчасъ еще рано идти, Володя отправился исполнять свои хозяйственныя дѣла, а я принялся за чтеніе.

Часовъ въ 7 утра онъ зашелъ за мной, и мы двинулись въ сумеркахъ морознаго утра.

Володя направился—было къ юртѣ Кара-Кадай, стоявшей неподалеку отъ усадьбы на открытой степи, поросшей кустами караганы.

— А не лучше-ли намъ пойти къ Тараджи, предложилъ я; вѣдь, Кара-Кадай, только что схоронившая свою Эль-безэкъ, теперь въ горѣ; народа около нея нѣтъ, только своя семья...

— Пойдемте къ Тараджи, согласился Володя, которому было все равно, куда ни отвести меня, такъ какъ самъ онъ на этихъ праздникахъ бывалъ не разъ и если теперь шелъ, такъ только ради меня, чтобъ ввести въ близко знакомыя ему сойотскія семьи и чтобъ быть моимъ переводчикомъ.

Спустившись съ высокой террасы въ скованной ледянымъ покровомъ бурной Тапсѣ, теперь какъ-то странно затихшей и присмирѣвшей, мы пересѣкли маленькую лѣсную полоску праваго берега, перешли черезъ рѣчку и зарослями тальника, равитника, березника и тополей вышли прямо къ юртѣ Свакыта.— молодожена, къ которому въ началѣ зимы я приходилъ посмотрѣть свадебный обрядъ.

Тишина была кругомъ невозмутимая. Надъ всѣмъ висѣли еще сумерки, и припавшія къ землѣ юртенки мало чѣмъ выдѣлялись въ окружающей ихъ чашѣ. Мы вошли въ юрту. Свакпыть еще лежалъ въ постели съ полугодовымъ сынишкой. 20-лѣтняя Пичи-Урухъ, сестра его жены, съ головой укрывшись шубой, вѣрнѣе спала на другой сторонѣ юрты, и только его жена Ижекей, да гостившій у нихъ Чамбай, только что вставшіе, встрѣтили насъ привѣтствіями—«амыръ, амыръ», по обычаю протягивая впередъ согнутыя въ локтяхъ руки ладонями кверху и склоняясь всѣмъ станомъ. Пропустивъ насъ впередъ, за очагъ юрты, гдѣ стояли ящички и полочки съ бурханами и чашечки для возжиганія передъ ними масла, Ижекей принесла дровъ, поставила чашу на таганъ и, пока Чамбай разводилъ огонь, наколола куски принесеннаго льду...

— Еще не скоро, пояснялъ Володѣ Чамбай по-сойотски, еще чай будемъ пить сначала.

Въ юртѣ было очень холодно, какъ на улицѣ. Голый ребенокъ, спавшій въ своемъ низенькомъ ящикѣ подъ овчинными доскутьями, проснулся и заплакалъ, вытянувъ рученки и обнаживъ грудь. Только что поднявшійся отецъ вытянулъ голое тѣльце изъ ящика и сталъ грѣть передъ весело трещавшими сучьями очага... Ижекей, расплавивъ ледъ, подошла къ ребенку и начала вылизывать гно-

ившіеся глазки, сплевывая въ огонь. Чамбай растолкала крѣпко спавшую Пичи-Урухъ (Маленькая дѣвушка) и та, быстро натянувъ подъ шубой штаны и засунувъ ноги въ теплые сапоги, ловко накрыла голое тѣло шубой, застегнулась и подпоясалась. Сойоты снятъ, несмотря ни на какую стужу, раздѣтыми до гола, воспитываясь такъ со дня рожденія.

Весь ихъ костюмъ, какъ мужской, такъ и женскій, состоитъ изъ короткихъ штановъ, халата или шубы, кожаныхъ сапоговъ съ войлочнымъ чулкомъ, надѣваемыхъ на голое тѣло, и островерхой шапки, закрывающей макушку бритой головы. При такой тренировкѣ они отличаются удивительной выносливостью.

Пичи-Урухъ, выйдя изъ юрты, умылась, а по возвращеніи приняла крошить чай на полъ своей шубы и бросать въ котель, послѣ чего, принявъ ребенка, стала грѣть его передъ огнемъ и ласкать, и онъ быстро затихъ, поблескивая черными глазами на плоскомъ, сплошь замазанномъ грязью лицѣ. Ижекей толкла застывшее молоко въ деревянномъ ведеркѣ и высыпала его въ чашу, куда передъ тѣмъ положила щепотку кужюра*) и немного соли. Свакпыть устанавливалъ передъ бурханами на полочкахъ и на полу юрты тарелки

*) К у ж ю р ь — солонецъ; выступающая на землѣ, въ видѣ бѣлаго налета, соль собирается вмѣстѣ съ частицами земли, глиной и пескомъ, и употребляется для подсаливанія чая.

съ просой, мукой ячменной и пшеничной, съ воткнутыми въ нихъ кусочками масла, а Чамбай принялся крутить фитилекъ изъ ваты, наращивая его подлиннѣе, но у него ничего не выходило.

Улыбавшаяся, глядя на его работу, Ижекей ласково взяла у него изъ рукъ вату, быстро скрутила и сростила фитиль, прикрѣпила его на днѣ чашечки и, заливъ эту послѣднюю и самый фитиль изъ маленькой леечки растопленнымъ масломъ, предоставила Чамбаю зажечь его и установить передъ бурханами. Свакытъ, въ свою очередь, насыпавъ другую чашечку какими-то кореньями и посыпавъ ихъ артышомъ, положилъ на нихъ уголокъ и поставилъ ароматно курившуюся чашечку также передъ бурханами.

Чай тѣмъ временемъ уже былъ готовъ и Свакытъ, какъ хозяинъ юрты, сталъ разливать его въ деревянныя и фаянсовыя чашки и подносить гостямъ.

II. На молитвѣ.

Едва успѣли мы выпить по чашкѣ, какъ раздался голосъ Тараджи, призывавшаго на молитву.

Пора объяснить читателю, зачѣмъ я привелъ его сюда, въ этотъ уголокъ такой тихой, бѣдной и невзрачной жизни. Шага—единственный въ году праздникъ у собогъ. Праздникъ обновленія и очищенія чловѣка отъ всѣхъ грѣховныхъ

дѣлъ и помысловъ; праздникъ радостный и свѣтлый, когда человѣческое сердце расцвѣтаетъ и наполняется взаимной дружбой и благоволеніемъ: когда человѣкъ освобождается отъ всякой работы и весь уходитъ въ ласковыя рѣчи, въ радушное гостепрѣимство и угощеніе всѣмъ, что только есть у него лучшаго и что многому приходится отвѣдать только въ этотъ разъ въ теченіе года.

Въ юртахъ, гдѣ есть лама, онъ проводитъ всю ночь на Новый годъ въ чтеніи номовъ, въ молитвѣ.

Всѣ другіе праздники, сопровождающіеся бѣгами, борьбой, угощеніемъ, будутъ ли то устроено на улусномъ ова весной и осенью, или на хошунной хуре въ честь свѣтлаго бога Майдари, будутъ не праздники, а только всенародныя богомоленія. Шага—это нашъ Новый годъ. Онъ устраивается въ утро, когда молодой мѣсяцъ еще не показался, еще никакъ не видимъ, а уже долженъ родиться.

Въ настоящемъ году сойотскій Новый годъ пришелся на 22 января. Вокругъ каждой юрты весь соръ, все нечистое еще наканунѣ тщательно убирается и выметается, а саженьяхъ въ полутора-двухъ передъ дверью, обращенной на востокъ, насыпается коническая кучка, въ аршинъ высотой, изъ чистаго снѣга, безъ малѣйшей соринки, и на вершинѣ ея устанавливается желѣзная пластинка-обломокъ лопаты, что-ли, на который

потомъ кладутся горячіе угли, посыпаемые артышомъ.

Саженьяхъ въ 20—25 къ востоку отъ одной изъ юртъ, принадлежащей старшему въ улусѣ, устраивается улусный, общій для всѣхъ жертвенникъ, сансалыръ.

У Тараджи, отца Свакпыта, стараго ховрака *), сансалыръ былъ такъ устроенъ. Продолговатая тумба изъ чистаго снѣга, высотой вершковъ въ 12, со стороны, обращенной къ юртѣ, была вырѣзана какъ спинка и сидѣнье у дивана. Въ центральную часть снѣжной кучи были погружены четыре отрѣзка тонкихъ листовичныхъ стволовъ, на концахъ которыхъ, на высотѣ человѣческаго роста, была установлена небольшая плоская чугунная чаша съ наложенной въ ней золой и горячими углями. По бокамъ этого стояка, на концахъ снѣжной кучи, были воткнуты двѣ березки, между которыми протянуты двѣ бечевки изъ бѣлой овечьей шерсти, съ навязанной на нихъ чаламой—узенькими полосками желтаго и бѣлаго миткаля, оволо полуаршина длиной.

Когда послышался призывной голосъ Тараджи («хлѣбопашецъ»), всѣ мужчины изъ юртъ вышли, взявъ съ собою чай-

*) Ховракъ—низшая ступень ламскаго званія. У соголтъ, кажется, нѣтъ семьи, гдѣ бы не было ховрака. Въ ховраки посвящаются чаще всего при рожденіи и рѣже взрослые, что влечется болѣзнию.

ницеи съ налитымъ въ нихъ готовымъ чаемъ, тарелки и чашки съ просой и мукой, съ воткнутыми въ нихъ кусочками масла, или прикрытыми традиціонными по ва^{*)}), и все это установили на подостланномъ по снѣжному дивану войлокѣ. Тараджи, а за нимъ и другіе стали бросать на горячіе угли въ чашѣ кусочки масла и щепотки муки, и безкровная жертва, въ видѣ столба густого дыма, взвилась и стала возноситься къ небу. Когда это было сдѣлано, Тараджи взялъ квадратный небольшой войлочекъ, обшитый коричневой талимбой, какіе употребляются ламами на сидѣньяхъ внутри кумиренъ и снаружи ихъ при торжественныхъ моленіяхъ, и отойдя на сажень отъ жертвенника положилъ его на снѣгъ и свазалъ мнѣ—«одурь»,—садись. Затѣмъ все выстроились въ линію, рядомъ со мной, передъ жертвенникомъ, и начали молиться, воздѣвая вверхъ руки съ сложенными ладонями и постепенно опускаая ихъ ко лбу, къ носу, ко рту и ниже и падая ницъ. Нѣкоторые тихо шептали молитвенныя слова, другіе беззвучно ихъ читали про себя. Эта молитва, съ непрерывными земными поклонами, длилась три-

*) По ва—прѣсныя лепешки изъ какой-нибудь муки, замѣшенныя на маслѣ: своей величиной и формой они напоминаютъ изготовляемое фабричнымъ способомъ печенье, извѣстное подъ названіемъ вафель; одна сторона по ва съ тисненіемъ орнамента, вырѣзаннаго гдѣ нибудь на уголкѣ крышки ящика и служащаго формой.

четыре минуты. Затѣмъ Тараджи, а за нимъ и всѣ остальные сбросили свои шапки на лежавшій передъ ними войлокъ и, подобно описанному, стали молиться съ непокрытыми головами, что продолжалось еще минуты четыре.

Окончивъ молитву, старый Тараджи отошелъ за жертвенникъ и, выбравъ мѣстечко съ чистымъ снѣгомъ, гдѣ не было хожено и засорено, повалился въ снѣгъ и началъ тереться въ немъ спиною, плечами, ногами, а потомъ перевернулся на животъ, на одинъ бокъ, на другой, а вставъ, началъ полоскать въ снѣгу свой пюртъ—шапку. Его примѣру послѣдовали и всѣ остальные, начавъ валяться въ снѣгу: иные же просто брали снѣгъ горстью и терли имъ свои шубы. Такъ символизировалось очищеніе отъ всякія скверны, отъ всего грѣховнаго: такъ хотѣлось обновленія и освѣженія своей жизни.

Разобравъ свои приношенія съ сансалыра, подобно тому, какъ это дѣлаютъ у насъ въ пасхальную заутреню съ вучичами, бабами, яйцами и самой пасхой, всѣ разбрелись по своимъ юртамъ. Я также получилъ приглашеніе Тараджи пойти къ нему въ юрту.

III. За угощеніемъ.

Едва мы заняли свои мѣста, какъ сюда пришли гости Буянху Чамбай, а затѣмъ и Свакытъ, пришли и женщины. Молитвенно, воздѣвъ руки и сдѣлавъ зем-

ной поклонъ передъ бурханами, они прикасались головой къ божницѣ, на которой тѣ стояли, а затѣмъ начинали обмѣнъ привѣтствіями, съ подношеніями хадаковъ *) и тотазыновъ **). «Амыръ, амыръ»,—говорили въ пересыпку съ хозяиномъ приходившіе. держа на протянутыхъ рукахъ положенный на обѣ руки хадакъ и касаясь руками обѣихъ рукъ Тараджи сначала сверху, потомъ снизу и ловко обмѣниваясь хадаками. Хозяинъ, видя намѣреніе пришедшаго, уже схватывалъ свой хадакъ, клалъ его на руки и не заставлялъ себя ждать отвѣтами на привѣтствіе. «Амыръ, амыръ», раздавалось привѣтствіе, обращенное къ Тавыджацъ, старой женѣ Тараджи, и ласковыя слова, хорошія пожеланія перескакивали одно черезъ другое, и протянутыя руки, съ желтыми хадаками мелькали въ разныхъ мѣстахъ маленькой, убогой юрты. Пова заканчивались привѣтствія и поже-

*) Хадакъ—подношеніе въ знакъ почтенія; это обыкновенно шелковая полоска матеріи отъ 2 до 4 вершковъ шириной и отъ 10 вершк. до сажени длиной. У богатыхъ и чиновныхъ лицъ она изъ плотной канфы и др. шелковой матеріи голубого, свинцово-сѣраго цвѣта, однотонной или съ рисункомъ, а у мало состоятельныхъ изъ рѣленькаго шелка и коленкора, въ видѣ узенькой полоски въ полвершка шириной.

**) Тотазынь—имѣетъ тоже значеніе, что и хадакъ, только онъ является подношеніемъ бѣдняковъ. Это узкій (около 1,5 сантим.) ремешекъ въ полметра или побольше длиной.

ланія, обращенныя къ Тавыджанъ и возвращаемыя ею, Тараджи поставилъ передо мною на ящикъ тарелку съ мукой и кусочками масла и стопками *пова* и подаль чашку съ дымящимся чаемъ. Усѣлись и все остальные, образовавъ группу, передъ которой были поставлены чайникъ съ горячимъ чаемъ и тарелки съ просой и масломъ, съ мукой и масломъ и *пова* и поданы пустыя чашки. Гости насыпали въ нихъ кто просо, кто пшеничную муку съ кусками масла, и заливъ ихъ до краевъ чаемъ, принимались за угощеніе, вели оживленную бесѣду о наступающемъ праздникѣ, о гостяхъ, которыхъ они ожидаютъ, о знакомыхъ, которыхъ надо посѣтить и т. п.

Выпивъ чашку, я поблагодарилъ хозяина и ушелъ домой, гдѣ меня также ждалъ утренній чай. Было уже около 8½ часовъ утра. Но я уходилъ съ тѣмъ, чтобы вернуться сюда и отдарить за преподнесенный мнѣ тотазынъ, посмотреть на праздникъ въ обѣденные часы и поговорить кое-о-чемъ.

IV. Въ гостяхъ у Нара-Надай.

Въ послѣобѣденный тапсинскій часъ, около часу дня, взявъ въ лавкѣ три салбака*) ярко желтаго и кроваво-краснаго

*) Салбакъ—единица мѣры матеріи. квадратъ ея: также единица счета при покупкахъ бѣлья, шкуръ и проч.

миткаля и пачку витайскаго табаку, разрѣзаннаго на три части, я отправился по юртамъ въ сопровожденіи Володи, котораго просилъ быть моимъ переводчикомъ.

Сначала я пошелъ сдѣлать визитъ Кара-Кадай, славной старухѣ, знающей въ тонкости сойотскіе обычаи. большой мастерицѣ кроить и шить, уставщицѣ при совершеніи различныхъ обрядовъ.

Кара-Кадай на Таисѣ многіе русскіе не терпѣли за ея безобразное пьянство въ теченіе всего лѣта, какъ только начнутъ доиться коровы, и вплоть до поздней осени, пова удои не сократятся до того, что не станетъ хойтнава *) и не изъ чего гнать пьяную араку; не любили за ея воровство всего, что плохо лежитъ, за кражу молока во время доенія хозяйскихъ коровъ. Но у нея были среди тѣхъ же русскихъ и защитники, которые называли Кара-Кадай святой женщиной за то, что она вскормила и выростила кучу дѣтей, хотя не одну изъ своихъ дочерей. помимо ихъ желанія, пропила нелюбимымъ людямъ въ жены; цѣнили за то, что она готова была всегда пріютить, напоить и накормить всякаго нуждающагося въ помощи. У нея и теперь вскармливается

*) Хейтнавъ — заквашенное, въ состояніи броженія молоко; употребляется какъ питье въ лѣтнее время и какъ бражка для перегонки на вино. Любимѣйшій напитокъ, во всеобщемъ повседневно употребленіи.

ея пятидесятилетний внучекъ, оставшійся въ живыхъ отъ тройней ея бѣдной Эльбезекъ: у нея и теперь живетъ бездомный параличомъ разбитый, не владѣющій ни языкомъ, ни правой рукой и ногой старикъ, совсѣмъ ей чужой, когда то за профессиональное воровство лошадей объявленный внѣ закона и бѣжавшій изъ своего района. Положеніе такого человѣка ужасно—его безнаказанно можетъ убить всякій и заслужить этимъ общую благодарность.

Кара-Кадай давно уже вдовѣла и жила въ одной юртѣ съ своимъ женатымъ сыномъ Саинь-Белекомъ, работающимъ парнемъ, мастеромъ на всѣ руки, котораго цѣнили за его прилежаніе въ работѣ, за его тароватость, за то, что онъ мало пилъ вина и совсѣмъ не курилъ табакъ—нѣчто неслыханное среди сойотъ. Его мать зовутъ Госпанъ, но это имя зналъ ея покойный мужъ, да еще зналъ и покойный Пай *). А потомъ всѣ стали звать ее Кара-Кадай, т. е. Черная бабушка, и такъ это прозвище прильнуло къ ней, что по другому никто ее звать и не знаетъ, но Кара-Кадай знаютъ во всей округѣ.

Когда мы пришли къ Кара-Кадай, въ юртѣ никого не было, кромѣ нея и параличнаго старика, да подвѣшеннаго въ

*) П а й—букв. богатый. Такъ называютъ русскихъ, торгующихъ въ районѣ. Если въ семьѣ русскаго есть сынъ, или братъ, то и его называютъ п а й, съ прибавленіемъ п и ч я т. е. малый.

ящикъ ребенка. Саинъ-Белекъ („Хорошій подарокъ“) съ своей женой Сивильбой и младшей сестрой, подросткомъ Пазынъ, ушли версты за три въ гости, остальные же ребяташки разбрелись кто куда. Передъ входомъ въ юрту и здѣсь стояла коническая кучка снѣга съ дощечкой на верхушкѣ съ золой и угольками для воскуренія, а поодаль, саженьяхъ въ 20 стояла болѣе высокая снѣжная куча съ водруженной на верхушкѣ ея скамеечкой, на которой насыпана была зола и потухшіе угли. По бокамъ скамеечки были воткнуты березки, соединенныя бечевкой съ навязанной на ней чаламой. Здѣсь самсалыръ былъ устроенъ попроще, чѣмъ у Тараджи, потому что только для одной юрты, для одной семьи служилъ, притомъ же очень бѣдной.

Передавъ Кара-Кадай подарокъ,—салбакъ желтаго миткала съ завернутымъ въ него табакомъ, спросивъ объ отсутствующихъ, выслушавъ жалобу Кара-Кадай на то, что она до сихъ поръ безъ ума отъ смерти ея Эльбезекъ, страшно опухшей отъ водянки, и что ея внукъ очень плохъ, и напомнивъ ей мою просьбу объ изготовленіи новаго *эрена* *), сама гальдженъ, котораго я сегодня увидѣлъ у Тараджи, и про котораго мнѣ ничего не говорила Кара-Кадай, изгото-

*) *Эренъ*—тоже, что, тѣсь у Абаканскихъ татаръ, то же, что онгонъ у бурятъ, символъ божества, того духа, охраны домашняго благополучія отъ котораго просить и ожидаютъ.

влявшая для меня разныхъ эреновъ, я распростился и ушелъ.

V. У Тараджи.

Когда мы пришли съ Володей за Тапсу въ юрту Тараджи, то оказалось, что онъ былъ одинъ дома и усердно помѣшивалъ ковшомъ полную чашу варившейся баранины. Янтаремъ переливался изъ черпака наварный сунъ съ плававшими въ немъ кусками сала, распространяя кругомъ вкусный, раздражающій обоняніе голоднаго человѣка запахъ, а цѣликомъ положенная голова ходила кругомъ въ чашѣ, то ныряя, то всплывая наверхъ.

Его Тавыджанъ ушла въ сосѣдную юрту къ сыну, гдѣ собрались всѣ женщины, ведя оживленный, несмолкаемый разговоръ и вуря трубки, тогда какъ мужчины всѣ разѣхались по гостямъ. Передавъ Тараджи и Ижвей принесенные подарки и испросивъ разрѣшеніе фотографировать оставленный съ утра въ прежнемъ видѣ сансалыръ, я тотчасъ же воспользовался захваченнымъ съ собою аппаратомъ, пока еще было достаточно свѣта.

Вернувшись въ юрту, гдѣ Володя велъ бесѣду съ Тараджи и куда пришелъ въ гости Санъжи, печальный мужъ покойной Эльбезекъ, я принялся за разспросы неясныхъ для меня моментовъ шага. Кому молился передъ сансалыромъ,

о чемъ просили? Почему сначала въ шапкахъ, а потомъ безъ нихъ? Почему валялись въ снѣгу? Сколько дней длится праздниекъ Нового года? Какъ опредѣляется наступленіе перваго дня Нового года?....

Добродушный Тараджи, безкосый, съ длинной ниткой чотокъ на шеѣ, запряганныхъ подъ шубой и сползавшихъ на плечо, продолжая помѣшивать варившійся сунъ, охотно отвѣчалъ на разспросы, въ чемъ ему дѣятельно помогаль Санъжи, говорившій немного по русски и бывавшій въ Минусинскѣ и Иркутскѣ и видавшій наши церемоніи и обряды. Въ шапкахъ молитва была обращена къ нывѣ живущимъ, боготворимымъ большимъ людямъ, защитникамъ народа. Первое мѣсто среди такихъ занимаетъ Богдо-лама, и сейчасть живущій въ Кобдо. M

Это именно онъ отстоялъ монголовъ и сойотъ въ ихъ совмѣстной послѣдней борьбѣ съ китайцами, когда тѣ двинули свои войска на Кобдо. Сидя на высокой горѣ и наблюдая за дѣйствіями китайскихъ войскъ, онъ руководилъ своими войсками и давалъ стойкій отпоръ. Онъ сдѣлалъ видимыми летѣвшія китайскія пули, онъ обезсиливалъ ихъ такъ, что онѣ падали у ногъ монголовъ и сойотъ, не причиняя никому вреда. Напротивъ, пули монголовъ и сойотъ все достигали цѣли, поражая врага, пока онъ не былъ уничтоженъ или обращенъ въ бѣгство. Въ юртѣ Тараджи былъ только одинъ бур-

ханъ—изображеніе того самого Богдо-ламы, о которомъ только что рассказано.

Во время этихъ разговоровъ Тараджи длиннымъ врючкомъ вынулъ изъ котла баранью голову и положилъ ее мордой впередъ на ящикъ подъ бурханомъ, къ которому широкими волнами подымался паръ отъ дымившейся головы. Она долго еще простоятъ здѣсь—достояніе хозяина юрты—прежде чѣмъ онъ приступитъ къ утоленію голода этимъ почетнымъ блюдомъ.

Тутъ только я обратилъ вниманіе на то, что находившіеся по сосѣдству съ бурханомъ символы божествъ шаманскаго культа были, такъ сказать, привлечены къ участию въ празднествѣ. У Тараджи, вромѣ находящагося въ каждой юртѣ эмегельджена—войлочнаго мѣшечка съ буклами, прибывающими въ мѣшкѣ съ появленіемъ на свѣтъ каждаго ребенка, висѣли по обѣ его стороны два самагальджена—двѣ колоколообразныхъ фигуры изъ черной матеріи. Теперь находившіяся внутри этихъ копаковъ буклы съ пучками ленточекъ были вынуты и подвѣшены къ концамъ рѣшетки юрты возлѣ полочки съ бурханомъ, такъ что и къ нимъ достигалъ паръ отъ дымившейся головы. Этотъ самагальдженъ устанавливается всегда по указанію шамана и подвѣшивается къ ремню надъ люлькой ребенка.

Вторая половина моленія сойотъ передъ сансаыромъ совершалась съ непо-

крытыми головами и была обращена къ высшему ряду божествъ, куда, впрочемъ, относился и живой богъ, правитель «независимой» Монголии, хутухта.

Самымъ, большимъ божествомъ для сойотъ былъ Бурханъ-бакши, за которымъ идутъ Майдэри, Таинъ-тирхинъ и мн. др.

Таинъ-тирхинъ—каменная баба, изваяніе, находящееся гдѣ то около Кобдо. Одно нахожденіе ея здѣсь сообщаетъ такую благодать окружающей мѣстности, что достаточно человѣку гдѣ нибудь ночевать по близости, чтобъ получить удовлетвореніе своихъ желаній, достичь благополучія, увидѣть хорошій сонъ и т. п.

Бурханъ-бакши—самый большой богъ. Зашелъ у него какъ то споръ съ Майдэри, кто изъ нихъ старше, кто сильнѣе. Споръ разрѣшался тѣмъ, что они должны были, поставивъ передъ собою чашки, самоуглубиться и уйти въ созерцаніе, пребывая въ этомъ состояніи, съ закрытыми глазами, до тѣхъ поръ, пока въ чашкѣ кого либо изъ нихъ не появится жизни. Въ чашкѣ Майдэри началъ, наконецъ, вырастать цвѣтокъ. А такъ какъ Бурханъ-бакши, нѣтъ—нѣтъ, да и открывавшій глаза, увидѣлъ это, то онъ потихоньку перемѣстилъ чашки,—стоявшую передъ Майдэри съ цвѣткомъ поставилъ передъ собой, а свою передъ нимъ и затѣмъ объявилъ о происшедшемъ. Хотя всевѣдущій Майдэри и зналъ о продѣлкѣ Бурханъ-бакши, однако, старшинство осталось за этимъ послѣднимъ.

Разсерженный Майдэри подвелъ тогда Бурханъ-бакши къ двумъ озерамъ—Красному и Бѣлому—и сказалъ: вотъ здѣсь ты испытываешь теперь свои мученія. И съ этими словами сѣлъ на коня и уѣхалъ.

Задумался Бурханъ-бакши надъ пророчествомъ Майдэри. Взялъ палку, пошелъ къ Красному озеру и началъ въ немъ мутить воду и шарить, и досталъ небольшой ящичекъ. Взялъ онъ его въ руки и только открылъ крышку, пошелъ по землѣ страшный холодъ, а мѣсяцъ со звѣздами вылетѣли оттуда и разсыпались по небу. Люди начали страдать отъ холода и жаловаться на причиняемые имъ мученія.

Потомъ Бурханъ-бакши подошелъ къ Бѣлому озеру, и въ немъ началъ также мутить воду палкой и досталъ и здѣсь небольшой ящичекъ. Только ствернулъ крышку, какъ его охватило жаромъ и ослѣпило. Пошелъ по землѣ нестерпимый жаръ, а вылетѣвшее изъ ящика солнце начало съ неба грѣть и свѣтить. До тѣхъ же поръ была кругомъ сплошная тьма.

VI. За ѣдой и игрой.

Тѣмъ временемъ мясо въ котлѣ и насыпанная туда крупа и просо порядочно разварились,—гораздо больше, чѣмъ валять-недовариваютъ сойоты обыкновенно.

Тараджи налилъ каждому изъ сидѣвшихъ въ юртѣ гостей по чашкѣ и подалъ, стараясь положить побольше жирныхъ кусочковъ. Какъ я ни отказывался отъ угощенія, отговариваясь тѣмъ, что я недавно пообѣдалъ, я отговориться не могъ, не рискуя серьезно обидѣть хозяина, настойчиво державшаго передо мною чашку съ супомъ. Супъ былъ вкусный, только очень недосоленный, по советскому обыкновенію. Событы съ наслажденіемъ предавались столь рѣдкому для нихъ удовольствію, отпивая горячій супъ. Пришелъ въ это время сыннишка Тимбильдоя и также получилъ отъ Тараджи чашку супа съ мясомъ и большимъ кускомъ салника. Гости, опроставъ чашки и вылизавъ ихъ языкомъ до чиста, подали хозяйну и получили по другой такой же чашкѣ. Время отъ времени, то одинъ, то другой вытаскивали куски сала и переносили ихъ въ чашку къ сосѣду; больше всего досталось такихъ лакомыхъ кусочковъ пришедшему позднѣе мальчугану, съ наслажденіемъ уписывавшему за обѣ щеки.

Когда гости опростави по второй чашкѣ, вончилъ и я свою и, подавая хозяйну, поблагодарилъ за угощеніе. Однако, онъ налилъ мнѣ вторую, рѣшительно объявивъ, что отказываться нельзя.

— Нынче ужъ день такой. Всѣ ходятъ въ гости другъ къ другу и въ

каждой юртѣ должны повушать—отказаться нельзя, какъ нельзя въ этотъ день ни сердиться на кого-либо, ни ссориться и вздорить.

Всѣ сидѣвшіе въ юртѣ стали мнѣ иллюстрировать новогоднія угощенія случаями изъ известной имъ практики. Если въ гости пріѣдетъ человекъ изъ другого хошуна, то его закармливаютъ до тошноты, запирая дверь юрты, чтобы не выбѣжалъ. Если онъ, отзываясь нежеланіемъ, не ѣстъ, несмотря на настойчивыя упрашиванія, его берутъ за уши и насильно вталкиваютъ въ ротъ самые жирные куски, голое сало.

Сердиться, выражать претензію въ этотъ день нельзя, и—несчастный ѣстъ до того, что свалится отъ изнеможенія, до того, что и привычный въ неуимѣренной вѣдѣ желудокъ не выдерживаетъ и выбрасываетъ содержимое.

Противостоять подобному угощенію одно средство: не ходить въ гости по юртамъ чужого хошуна, что многіе и дѣлаютъ.

Шага у сойотъ празднуется два дня. Но у монголовъ она затягивается на большой срокъ, на полмѣсяца. Мужская улусная молодежь, особенно если она набралось достаточно, въ послѣобѣдennыя часы затѣваетъ игру въ тэмекъ, въ которую играютъ только въ день Нового года. Въ старое время, говорятъ, въ тэмекъ играли чаще. Это—наша игра въ жостку. Металлическій кружокъ съ

отверстіемъ въ центрѣ, черезъ которое туго продѣтъ пучокъ шерсти, подбрасывается ногой. Игра въ тэмекъ состоитъ въ слѣдующемъ.

На расчищенномъ около юрты мѣстѣ собираются играющіе и начинаютъ поочередно подбрасывать кружокъ ногой; подбросившій наибольшее число разъ жостку, прежде чѣмъ она упадетъ на землю, попадаетъ въ привилегированное положеніе—каждый изъ играющихъ, съ разстоянія въ сажень, кидаетъ ему жостку навстрѣчу, а онъ отбрасываетъ ее ногой, гоня за нею подающаго до тѣхъ поръ, пока не промахнется; послѣ промаха мѣсто занимаетъ слѣдующій, и такъ до тѣхъ поръ, пока побѣдитель не сгоняетъ за жосткой всѣхъ участниковъ игры.

Наступившія сумерки положили конецъ играмъ въ тэмекъ въ улусахъ. Наступленіе ихъ показало и гостямъ, прибывшимъ издалека, особенно пришедшимъ пѣшкомъ, что пора имъ возвращаться въ свои юрты, къ своимъ очагамъ. Переполненные желудки располагаютъ тѣло во сну и отдыху, а отсутствіе пьянаго напитка, араки, отнимаетъ и послѣдній доводъ къ тому, чтобъ засиживаться и болтать.

Самый большой день въ году кончился. Завтра будетъ уже не то, — завтра будетъ лишь тусклое повтореніе сегодняшняго дня, посѣщеніе знакомыхъ, у которыхъ не успѣли побывать сегодня.

Вечерняя мгла тихо спустилась и окутала своимъ покровомъ юртенки, спрятавшіяся въ лѣсной чащѣ, въ изви-вахъ глубокихъ ущелій. Свержающія искорки перестали выскакивать изъ от-верстій въ вершинахъ юртъ и носиться, разрѣзая ночную темноту. Говоръ смолкъ. Огни въ очагахъ потухли. И водарив-шаяся тишина нарушалась лишь мѣр-нымъ дыханіемъ и похрапываніемъ крѣпко закутанныхъ въ шубы тѣлъ.

А. В. Адриановъ.

Танса.
24 января 1916 г.